

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 104—115
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.9

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 104—115
ББК 66.041.32
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.9

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ПОСТСОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. Н. Чирун, Е. А. Боброва

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия,
Sergii-Tsch@mail.ru

Статья посвящена анализу актуальных гендерных особенностей российской публичной политики и политического участия. Выражено мнение, что «гендер» представляет собой не только научную категорию, но и динамичный, трансформирующийся социальный конструкт. Показаны роль и значение гендерного фактора в публичной политике постсовременности, взаимосвязь между развитием институтов гражданского общества и параметрами политического участия граждан в гендерном измерении, а также гендерно-обусловленная трансформация политического поведения и электоральных предпочтений в ситуации постмодерна. Представлены перспективные направления анализа политических процессов с учетом гендерного фактора.

Ключевые слова: гендер, политическое участие, публичная политика, фемининность, маскулинность, господство, патернализм, постмодерн.

GENDER PECULIARITIES OF POLITICAL PARTICIPATION IN POSTMODERN RUSSIA

S. N. Chirun, E. A. Bobrova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation,
Sergii-Tsch@mail.ru

The article, which includes the main theoretical and methodological approaches to explaining the concept of “gender”, is devoted to the analysis of the current gender specific features of Russian public policy and political participation. According to the authors, “gender” is not only a scientific category, but also a dynamic and transforming social construct. The authors try to show the role and significance of the gender factor in the public policy of postmodernity. The article shows the relationship between the development of civil society institutions and the parameters of citizens’ political participation in the gender dimension. The gender-dependent transformation of political behavior and electoral preferences in a post-modern situation is shown. Perspective directions of the analysis of political processes taking into account the gender factor are presented.

Key words: gender, political participation, public policy, femininity, masculinity, domination, paternalism, postmodernity.

Актуальность исследования гендерных особенностей политического участия обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, постсовременное общество нестабильно, уже не скреплено традициями, в том числе в области гендерных отношений, а новые принципы и ценности гражданского активизма, основанного на игре, случайности, ризоме и сетевом конструировании, мало соответствуют авторитарно-патриархальной политической культуре, в которой ведущую функцию выполняют традиционные гендерные роли.

Во-вторых, в постмодерне наблюдаются массовые трансформации «гендерного образа» личности в направлении деконструкции и симуляции вследствие сформировавшегося потока дефиниций — «гендеризмов», характеризующих отдельные когнитивные и поведенческие девиации личности, которые возникают на периферии ядра гендера и аргументируют свою метанарративность углубленным пониманием феномена.

В-третьих, динамика политических процессов в постмодерне сопровождается бегством от метанарратива, попытками пересмотра значения традиционных категорий «мужское» и «женское» и возможность манипулирования гендерной идентичностью приводит к пересмотру гендерных отношений, что трансформирует адаптационный потенциал личности, создает предпосылки коллективных девиаций и деформирует гендерную структуру общества.

В ситуации постмодерна участники политического процесса, оказавшиеся на пересечении целенаправленного воздействия информационных потоков различной идеологической направленности, проявляют выраженный скептицизм в отношении традиционного гендерного метанарратива.

Сети генерируют новую модель политического участия, в рамках которой гендерная политика приобретает форму фрагментированной системы, открытой для презентации соревнующихся моделей.

В эпоху глобальной конкуренции возможности достижения гендерного равенства, как и перспективы решения острых демографических проблем, влияют и на статус государства на международной арене, выступая элементом soft power в процессах геополитического соперничества.

Концептуальное осмысление гендера

Категория «гендер» была введена в научный оборот в начале 1960-х гг. Р. Столлером, интерпретирующим его в качестве социально-психологического пола, определяющего нормативную и статусно-социальную позицию индивида в обществе (см.: [Kateb at al., 2004]). Спустя десятилетие гендерная теория получает мощное развитие, что было обусловлено успехом феминистских общественно-политических движений.

Идея гендера прежде всего основана на том, что дихотомия двух полов не сводится лишь к биологическим отличиям [Тарасенко, 2014: 195], поскольку сюда же относятся различия в мотивации, целях и ценностях.

Различия пола и гендера рассматриваются Г. Рубин в работе «Обмен женщинами», в которой она использовала категорию пологендерной системы, определяя последнюю как пакет соглашений, которыми социум оперирует, чтобы сублимировать сексуальную активность в общественный продукт. Согласно

Г. Рубин, гендерная система фактически представляет собой систему властного доминирования и преследует в качестве своей конечной цели концентрацию властного ресурса в руках мужчин [Рубин, 2000: 109]. Гендер — в данной интерпретации — это, по сути, социальный статус, поскольку он обуславливает возможности и перспективы получения индивидом качественного образования, престижной работы, политической власти, а также прочих дефицитных ресурсов и ценностей. Это социальный пол, отличающийся от пола биологического (sex) [Здравомыслова, Темкина, 1996].

Одну из первых концепций протогендера (биполярная модель) сформулировали еще в 30-х гг. XX в. Л. Терман и К. Майлз (см.: [La Torge, William, 1978: 141]). Теория постулировала радикальный антагонизм проявлений фемининности и маскулинности в человеческой личности. Лишь с 1970-х гг. стала допускаться возможность наличия в рамках одной личности фемининных и маскулинных качеств, что повлекло возникновение психологической андрогинии [Хоч, 2011]. В науке до 1970-х гг. гендерная проблематика ограничивалась преимущественно вопросами половых отношений [Кон, 2004].

Однако с 1990-х гг. наблюдается взлет исследовательского интереса к гендерной проблематике (см.: [Рябова, Овчарова, 2016]). С. Бем была разработана теория гендерных схем, определяющая специфику гендера в качестве базиса систематизации общественно значимых представлений индивида [Бем, 2004].

В этот период формируются основные направления гендерных исследований.

1. Статусно-ролевой подход, объясняющий поведенческие различия женщин и мужчин особенностями процесса их социализации [Рябова, Овчарова, 2016]. Например, по мнению Т. Парсонса, общество приписывает женщине экспрессивную функцию, а мужчине инструментальную и изменить такое распределение функций невозможно [Парсонс, 2000]. С данной точкой зрения солидаризировались приверженцы эволюционной теории, считавшие, что мужчины генетически запрограммированы на агрессивность, брутальность, властолюбие, промискуитет, в то время как женщины, напротив, на заботу о потомстве и сострадание [Connell, 2000].

2. Феминистические исследования [Клещина, 2002]. Т. де Лауретис рассматривала гендер в качестве компенсационного механизма, действующего в системе социального контроля.

3. Теория конструирования гендера [Gilligan, 1982: 182]. В основе этой теории лежит концепция П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которой индивид, основываясь на объективных данных и жизненном опыте, формирует индивидуальную модель восприятия общественных процессов и определяет свое место в этой модели [Бергер, Лукман, 1995: 123].

Конструирование гендера осуществляется в предписанном пространстве координат, обусловленных статусными ролями женского или мужского пола. Но здесь сам человек выступает творцом гендерных ролей, отношений и правил, что предполагает изменение сложившейся социальной структуры. Следовательно, пол как приписываемая составляющая статуса человека необязательно должен соответствовать его биологическому полу. С этим связано появление таких понятий, как гендерная роль, гендерная идеология, гендерная дифференциация, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия, гендерная стратификация, гендерная идентичность.

В ситуации постмодерна актуализируются девиантные проявления гендерной идентичности, такие как трансгендерность [Иванченко, 2009], гендерквир, интергендер, бигендер, агендер, пансексуальность, эмпауэрмент [Айвазова, 2016], гендерные диспропорции сетевого фронта [Гандалоева и др., 2017: 31] и т. д.

И. Гоффман применяет категорию «гендернизм», которая означает институализацию и ритуализацию пола. Если же граждане массово нарушают гендерные ритуалы, в обществе происходят институциональные изменения [Goffman, 1976]. Среди идеологов данного подхода также можно назвать Г. Гарфинкеля [Гарфинкель, 2007], К. Уэст, Д. Зиммермана. Интегрируя конструктивистский подход с политическим восприятием, Дж. Скотт рассматривает гендер в качестве приоритетного способа артикуляции отношений власти [Scott, 1986: 1057].

Российские авторы также отмечают конструирование гендера за счет действия механизмов социализации [Здравомыслова, Темкина, 2000].

Гендер, в отличие от пола, является конструктом властных отношений, поскольку не только бинарно дифференцирует, но также поляризует и иерархизирует маскулинное и фемининное начала. Но политическая власть сопрягается именно с маскулинными понятиями (сила, воля, господство, управление), в то время как фемининные понятия (чувства, эмоции, слабость, нежность, покорность) соответствуют отсутствию власти и подчинению. Следовательно, обусловленная гендером асимметрия власти означает, что настоящий мужчина — это всегда господин, это тот, кто имеет власть [Рябова, 2008: 115]. Одновременно трактовка гендера как социокультурного конструкта предполагает, что гендерные характеристики взаимодействия формируются и меняются в определенном социально-политическом контексте, являются динамичными и трансформируемыми.

Предельно радикальным воплощением релятивности гендера в ситуации постмодерна стала концепция «постгендеризма». Представители этого направления ратуют за упразднение половых дифференциаций при помощи инновационных технологий в репродуктивной сфере. Отметим, что «постгендеризм» связан с развитием идей радикального феминизма. Например, в работе «Диалектика пола» С. Файрстоун требует не только устранения всех «мужских привилегий», но и самого полового размножения, которое предлагает заменить размножением искусственным [Firestone, 1970]. Подобные идеи представлены в «Манифесте киборгов» Д. Харауэй, которая заявляет, что подлинного гендерного освобождения смогут достичь только постбиологические организмы [Харауэй, 2005]. Так возникает революционный концепт бесполого постчеловека, представляющего неким киберсуществом.

Обобщая теорию гендерного подхода, нужно сказать, что, во-первых, в науке отсутствует универсальное понимание гендера; во-вторых, гендерные различия включают как прирожденные, так и приписываемые особенности личности; в-третьих, понятие «гендер» затрагивает социально-психологические и политико-культурные характеристики.

Наконец, следует указать основные гендерные признаки: гендер — социальный статус, который детерминируется половой принадлежностью индивида, а также исторически и культурно обусловленными общественными ожиданиями; гендерные признаки закрепляются в процессе интериоризации личностью

набора социальных ролей; гендер встраивается в систему общественных отношений, моделируя иерархию властных отношений, где мужчина является доминатором в общественно-политической сфере, где контроль идеологически оформляется легитимацией маскулинного доминирования [Айвазова, 2017: 6]; гендер предполагает интериоризацию ролевых ожиданий общества относительно полового статуса.

Реализуя в своей деятельности элементы общественных ожиданий, связанных с гендерным статусом, индивиды, участвующие в общественно-политическом процессе, создают институциональные основания для гендерных различий. Согласно подходу Дж. Скотт, уже само осознание гендерной принадлежности является конструирующей основой отношений господства и подчинения, основанных на массовых представлениях о половых различиях [Scott, 1986].

Гендерное восприятие политики и политическое участие

Гендер выступает важнейшим фактором, влияющим на развитие политического сознания, поведения и политического участия граждан [Айвазова, 2012], что порождает необходимость в регистрации гендерных маркеров [Степаненко, 2017].

Р. Инглхарт отмечает, что гендерным различиям в рамках электорального процесса не уделяется столько внимания, сколько различиям классовым или конфессиональным [Inglehart, Norris, 2000]. Проблемы гендера в политике могут успешно исследоваться с использованием методологии постмодернизма и сетевого подхода. Особенно это актуально для молодежи, ведь 90 % молодых людей ежедневно взаимодействуют в сетевых сообществах. Главной задачей сетевого политического участия становится «перевод виртуальной активности в мобилизацию сторонников на активность в офлайн, будь то голосование, агитация, участие в мероприятиях и т. д.» [Гандалоева и др., 2017: 79].

Ю. В. Ирхин наглядно демонстрирует основополагающие отличия парадигм модерна и постмодерна [Ирхин, 2014: 18]. В постмодерне политическое участие — это прежде всего управление символами. Возрастанию их значения в политике способствуют процессы информатизации и глобализации, формирования «сервис-класса» — образованных, ориентированных на высокую мобильность и карьеру граждан, активно использующих сетевые средства взаимодействия.

Однако российские политологи исследуют гендерную асимметрию политических структур как федерального, так и регионального уровня [Айвазова, 2012], а также гендерные особенности электорального поведения граждан [Варданиян, 2003: 273]. Фиксируя специфику гендерной динамики от выборов к выборам, они отмечают, что мужчин характеризует более брутальный характер участия в электоральном процессе, в то время как женщины традиционно более конформны. Кроме этого, в ситуации, когда исход выборов уже очевиден и заранее предрешен, мужчины чаще проявляют склонность к абсентеизму. Женщины демонстрируют больше лояльности к власти и государству, тогда как мужчины более склонны к гражданскому активизму и протестным акциям [Айвазова, 2012].

Мужчины фокусируются на статусных атрибутах публичного взаимодействия, женщины же на психологических характеристиках, степени доверия и близости [Знаков, 2004]. Исследования показывают, что женщины в три раза чаще признают над собой власть государства и более послушны, чем мужчины. Так, количество политических нонконформистов среди мужчин в пять раз превосходит их количество среди женщин [Грошев, 2000]. Кроме того, женщины более позитивно относятся к институтам государственной власти, зато менее осведомлены о таких политических категориях, как патриотизм, патернализм, экстремизм и др. [Айвазова, Кертман, 2001].

В ходе исследования, проводимого в 2017 г. под эгидой фонда «Сибирская политика» среди жителей Кемеровской области, нами было опрошено 837 человек в возрасте 18—65 лет, из них 45 % — мужчины и 55 % — женщины. Расчет ошибки выборки показал, что она не превышает 5 % при доверительной вероятности 96 %.

Результаты исследования свидетельствуют, что женщины и мужчины, анализируя личность политического лидера, акцентируют внимание на разных аспектах. Восприятие женщин направлено на морально-психологические характеристики политика, такие как порядочность, отношение к семье, спокойствие, доброта и др. Мужчины же уделяют внимание в первую очередь профессиональным и деловым качествам политика (сильный характер, воля и политическая эффективность).

Отвечая на вопрос «Почему женщины участвуют в политике?», респонденты в качестве главной причины назвали стремление решать актуальные общественные проблемы, а также стремление к самореализации. Однако 30 % опрошенных высказали гипотезу, согласно которой женщины участвуют в политике вследствие недостатка внимания со стороны мужчин. Какие проблемы способна наиболее успешно разрешать женщина-политик? 81 % женщин и 55 % мужчин уверены, что гендерному статусу женщины прежде всего соответствуют вопросы воспитания, образования и молодежной политики.

Российские женщины в своем большинстве не столь политически честолюбивы. Вместе с тем они демонстрируют более высокую электоральную активность. Результаты российских выборов подтверждают мнение, согласно которому количество женщин, участвующих в выборах в качестве избирателей, выше, чем аналогичное количество мужчин, даже при том, что женщины проявляют меньше интереса к самой политике [Музыка, 2015: 249]. Возможно, именно поэтому стремление к лидерству ярче выражено именно у мужчин. Главная особенность женской составляющей российского электората — это ее количественный перевес.

Таким образом, участвуя в политическом процессе, женщина способна реализовать свои возможности и осуществить задуманное. Мужчинам в целом свойствен более широкий диапазон политической активности, и они склонны к более радикальным формам протестного активизма, чем женщины. Женщины как в России, так и в Европе менее готовы выражать свое симпатию к кандидатам и чаще дают ответ «Не знаю».

Наше исследование (опросы по репрезентативной выборке, а также фокус-группы) показывает, что, несмотря на возросшее политическое участие женщин,

гендерные разрывы в целом по Сибирскому федеральному округу сохраняют свою актуальность. Женщины реже мужчин обсуждают политику с подругами и знакомыми и, как правило, не пытаются навязывать свое волеизъявление другим людям.

Результаты исследования свидетельствуют, что у большинства мужчин (61,3 %) и у женщин (47,5 %) доминирует в целом негативное отношение к российской политической элите, при этом женщины демонстрируют большую лояльность, нежели мужчины.

Женщины, как правило, избегают острых политических споров и стараются не раскачивать лодку в силу глубокой интеграции в социальные сети. Однако, несмотря на общее негативное отношение респондентов обоих полов к институтам власти в нашей стране, президент России В. В. Путин пользуется их высокой поддержкой: 69 % опрошенных нами мужчин и 72 % женщин заявили о полной или частичной поддержке действующего президента. Анализируя отношение респондентов к В. В. Путину, стоит отметить, что мужчины и женщины в качестве достоинства называли волевые качества, проявленные им во внешней политике, констатируя в то же время наличие серьезнейших проблем и противоречий в политике внутренней. При этом женщины больше внимания обращали на имидж и харизму, а мужчины акцентировали внимание на уме и профессионализме президента.

Выводы

Следует отметить, что гендерным особенностям восприятия власти не уделено достаточного внимания в отечественной прикладной политологии. В результате нашего исследования выявлено, что позиция мужчин характеризуется более радикальным подходом к оцениванию институтов власти, в то время как оценки женщин более умеренны. Кроме того, женщины, как правило, лояльны к действующей власти, они демонстрируют преимущественно установки на патернализм и институциональную регламентацию общественных отношений, тогда как мужчины более требовательны к субъектам публичной политики — политическим партиям и институтам, а также склонны проявлять свою политическую независимость. Женщины более толерантны в своей оценке политических акторов, к тому же они более лояльны к институтам и органам действующей государственной власти.

Мужчины уделяют значительно меньше внимания проблеме морального выбора в политике, их также меньше интересуют имиджевые и атрибутивно-ролевые характеристики политических акторов и институтов государственной власти, фокус внимания мужчин сосредоточен на профессиональных и деловых качествах политических лидеров и на эффективности достижения ранее поставленных властью целей. Гендерные особенности также проявляются в том, что для мужчин часто оптимальным вариантом является констатация фактов, тогда как для женщин важна именно интерпретация политического процесса.

Мужчины демонстрируют значительный уровень знаний, связанных с миром политики, женщин же характеризует более высокий потенциал электоральной активности, хотя они, как правило, дистанцируются от политического лидерства, поскольку у них слабее представлено стремление к независимости.

При этом мужчины более мотивированы к участию в протестных акциях, а женщины более конформны и склонны признавать власть над собой существующих государственных институтов и мужчин.

В заключение подчеркнем, что глобальный тренд гендерной трансформации означает не тотальное нивелирование различий между гендерами, а скорее отказ от гендерной дискриминации. В основе же тренда заложена убежденность, что чем меньше в обществе условий для проявлений гендерной дискриминации, тем это общество прогрессивнее и имеет больше перспектив достижения успеха в глобальной конкуренции стран и народов.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 3—11.
- Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как проблема российской массовой политики // Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 248—258.
- Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 6—13.
- Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Женщины на randevу с российской демократией. М.: Эслан, 2001. URL: <http://owl.ru/win/books/democracy/index.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
- Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Вардьян Р. А. Демография, общественное мнение и различия в электоральном поведении женщин и мужчин // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2003. С. 269—281.
- Гандалоева М. Т., Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Плотицкина Н. В., Рябченко Н. А., Терешина М. В., Ячменник К. В. Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 272 с.
- Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
- Гнедаш А. А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение // Новые направления политической науки. М.: РОССПЭН, 2007. С. 258—274.
- Грошев И. В. Гендерные представления о власти // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 33—41.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб.: Центр независим. социол. исслед., 1996. Вып. 4. С. 5—13.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15—24.
- Знаков В. В. Половые, гендерные и личностные различия // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 1. С. 41—52.
- Иванченко С. Н. Трансгендерность, гендерная идентичность и гендерные стереотипы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. Т. 8, № 6.

- URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/259-ivanchenko8.html> (дата обращения: 19.02.2018).
- Ирхин Ю. В.* Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1 (123). С. 13—25.
- Клецина И. С.* Гендерные исследования // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 181—192.
- Кон И. С.* Пол и гендер: заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1—2. С. 31—35.
- Музыка Е. В.* Гендерные различия в восприятии власти // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 277—286.
- Парсонс Т.* Новый аналитический подход к теории социальной стратификации // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2000. С. 563—637.
- Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 99—114.
- Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г.* Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3—23.
- Степаненко А. А.* Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17—25.
- Тарасенко О. Н.* Гендер с точки зрения его взаимодействия с социальными, психологическими и культурными факторами // Современная научная мысль: научный журнал НИИ истории, экономики и права. 2014. № 1. С. 193—200.
- Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство: антология, 1970—2000 / под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322—377.
- Хоч Н. С.* К построению системной модели гендерной индивидуальности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 182—189.
- Connell R. W.* Making gendered people: bodies, identities, sexualities // *Revisioning Gender*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2000. P. 449—472.
- Firestone S.* The Dialectic of Sex. New York: William Morrow Published, 1970. 243 p. URL: <https://teoriaevolutiva.files.wordpress.com/2013/10/firestone-shulamith-dialectic-sex-case-feminist-revolution.pdf> (дата обращения: 19.02.2018).
- Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 184 p.
- Goffman E.* Gender display // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 1976. № 3. P. 69—77.
- Inglehart R., Norris P.* The development theory of the gender gap: women and men's voting behavior in global perspective // Revised Version for the International Politics Science Review Special Issue on Women in Politics. 2000. Vol. 21, № 4. P. 441—463.
- Kateb H. K., Diguet D., Diguet D.* L'approche scientifique du genre en France // *Population*. 2004. Vol. 59, iss. 1. P. 161—194.
- La Torre R. A., William E.* Gender identity and gender role in schizophrenia // *Journal of Abnormal Psychology*. 1979. Vol. 88, iss. 1. P. 68—72. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/0021-843X.88.1.68> (дата обращения: 13.04.2018).
- Scott J. W.* Gender: a useful category of historical analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91, iss. 5. P. 1053—1075.

References

- Aivazova, S. G. (2012) Gendernye osobennosti politicheskogo povedeniia rossiian v kontekste izbiratel'nogo tsikla parlamentskikh i prezidentskikh vyborov 2011—2012 gg. [Gender peculiarities of political behavior of Russians in the context of the electoral cycle of parliamentary and presidential elections 2011—2012], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—11.
- Aivazova, S. G. (2016) Ėmpauèrment kak problema rossiiskoi massovoi politiki [Empowerment as a problem of Russian public policy], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Massovaia politika: institutsional'nye osnovaniia*, Moscow: Politicheskaiia èntsiklopediia, pp. 248—258.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 6—13.
- Aivazova, S. G., Kertman, G. L. (2001) *Zhenshchiny na randevu s rossiiskoi demokratiei* [Women for rendezvous with Russian democracy], Moscow: Èslan, available from <http://owl.ru/win/books/democracy/index.htm> (accessed 10.02.2018).
- Bem, S. (2004) *Linzy genera: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [Lens of gender: Transformation of views on the problem of gender inequality], Moscow: ROSSPÈN.
- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Connell, R. W. (2000) Making gendered people: bodies, identities, sexualities, in: *Revisioning Gender*, Thousand Oaks, CA: Sage Publications, pp. 449—472.
- Firestone, S. (1970) *The Dialectic of Sex*, New York: William Morrow Published, available from <https://teoriaevolutiva.files.wordpress.com/2013/10/firestone-shulamith-dialectic-sex-case-feminist-revolution.pdf> (accessed 19.02.2018).
- Gandaloeva, M. T., Mirosnichenko, I. V., Morozova, E. V., Plotichkina, N. V., Riabchenko, N. A., Tereshina, M. V., Iachmennik, K. V. (2017) *Frontir setevogo obshchestva kak prostranstvo politicheskogo vzaimodeistviia* [Frontier of a network society as a space for political interaction], Krasnodar: Perspektivy obrazovaniia.
- Garfinkel', G. (2007) *Issledovaniia po ètnometodologii* [Studies in ethnomethodology], St. Petersburg: Piter.
- Gilligan C. (1982) *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge: Harvard University Press.
- Gnedash, A. A. (2007) Politiko-administrativnye èlity postsovetskoï Rossii: gendernoe izmerenie [Politico-administrative elite's of Post-Soviet Russia: the gender dimension], in: *Novye napravleniia politicheskoi nauki*, Moscow: ROSSPÈN, pp. 258—274.
- Goffman, E. (1976) Gender display, *Studies in the Antropology of Visual Communication*, no. 3, pp. 69—77.
- Groshev, I. V. (2000) Gendernye predstavleniia o vlasti [Gender representations of power], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 33—41.
- Inglehart, R., Norris, P. (2000) The development theory of the gender gap: women and men's voting behavior in global perspective, *Revised Version for the International Politics Science Review Special Issue on Women in Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 441—463.
- Irkhin, Iu. V. (2014) Postmodernistskaia metodologiia analiza i proektirovaniia politiki [The postmodern methodology of policy analysis and design], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 1 (123), pp. 13—25.
- Ivanchenko, S. N. (2009) Transgèndernost', gendernaia identichnost' i gendernye stereotipy [Transgender, gender identity and gender stereotypes], *Psikhologicheskie issledovaniia*,

- vol. 8, no. 6, available from <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/259-ivanchenko8.html> (accessed 19.02.2018).
- Kateb, H. K., Diguët, D., Diguët, D. (2004) L'approche scientifique du genre en France, *Population*, vol. 59, iss. 1, pp. 161—194.
- Kharauëi, D. (2005) Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiia i sotsialisticheskii feminizm 1980h gg. [The manifesto of cyborgs: science, technology and socialist feminism of the 1980], in: Bredikhina, L. M., Dipuëll, K. (eds), *Gendernaia teoriia i iskusstvo: Antologiiia, 1970—2000*, Moscow: ROSSPËN, pp. 322—377.
- Khoch, N. S. (2011) K postroeniiu sistemnoi modeli gendernoï individual'nosti [To build a system model of gender identity], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 182—189.
- Kletsina, I. S. (2002) Gendernye issledovaniia [Gender Studies], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 181—192.
- Kon, I. S. (2004) Pol i gender: Zametki o terminakh [Gender and gender: Notes on the terms], *Andrologiia i genital'naia khirurgiia*, no. 1—2, pp. 31—35.
- La Torre, R. A., William, E. (1979) Gender identity and gender role in schizophrenia, *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 88, iss. 1, pp. 68—72, available from <http://dx.doi.org/10.1037/0021-843X.88.1.68> (accessed 13.04.2018).
- Muzyka, E. V. (2015) Gendernye razlichiiia v vospriiatii vlasti [Gender differences in the perception of power], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 12, pp. 277—286.
- Parsons, T. (2000) Novyi analiticheskii podkhod k teorii sotsial'noi stratifikatsii [A new analytical approach to the theory of social stratification], in: Parsons, T. *O strukture sotsial'nogo deïstviia*, Moscow: Akademicheskii proekt, pp. 563—637.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian policy], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiia v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender Studies in Russian Political Sciences: current status, problems, and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Rubin, G. (2000) Obmen zhenshchinami: Zametki po politèkonomii pola [Exchange of women: Notes on the political economy of sex], in: *Antologiiia gendernoï teorii*, Minsk: Proplei, pp. 99—114.
- Scott, J. W. (1986) Gender: a useful category of historical analysis, *American Historical Review*, vol. 91, iss. 5, pp. 1053—1075.
- Stepanenko, A. A. (2017) Gendernaia atributsiia tekstov komp'iuternoï kommunikatsii: statisticheskii analiz ispol'zovaniia mestoimeniï [Gender attribution of computer communication texts: statistical analysis of the use of pronouns], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 415, pp. 17—25.
- Tarasenko, O. N. (2014) Gender s tochki zreniia ego vzaimodeïstviia s sotsial'nymi, psikhologicheskimi i kul'turnymi faktorami [Gender in terms of its interaction with social, psychological and cultural factors], *Sovremennaia nauchnaia mysl': Nauchnyi zhurnal Nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, èkonomiki i prava*, no. 1, pp. 193—200.
- Vardanian, R. A. (2003) Demografiia, obshchestvennoe mnenie i razlichiiia v èlektoral'nom povedenii zhenshchin i muzhchin [Demographics, public opinion and differences in the electoral behavior of women and men], in: *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteïa, pp. 269—281.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (1996) Sotsial'naia konstruktsiia gendera i gendernaia sistema v Rossii [The social construction of gender and the gender system in Russia], in:

-
- Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period*, iss. 4, St. Petersburg: Tsentr nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniĭ, pp. 5—13.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2000) Sotsiologiya gendernykh otnoshenĭ i gendernyĭ podkhod v sotsiologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 15—24.
- Znakov, V. V. (2004) Polovye, gendernye i lichnostnye razlichia [Sexual, gender and personality differences], *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 1, pp. 41—52.

Статья поступила 27.02.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Чирун Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент кафедры истории России, Кемеровский государственный университет; действительный член Сибирской академии политических наук, г. Кемерово, Россия, Sergii-Tsch@mail.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Associate Professor at the Department of History of Russia, Kemerovo State University; Full Member of the Siberian Academy of Political Sciences, Kemerovo, Russian Federation).

Боброва Елизавета Александровна — аспирантка кафедры истории России, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, yuliya89832124570@gmail.com (Post-graduate student at the Department of History of Russia, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation).